

В. Л. Л И П И

ПЕЧАТЬ НОВГОРОДСКОГО ЕПИСКОПА
ИВАНА ПОПЬЯНА
(1110—1130 гг.)

В сентябре 1976 г. научный сотрудник Новгородского музея Н. П. Пахомов, известный успешными поисками свинцовых булл на Городище под Новгородом, обнаружил интереснейшую печать, которой и посвящена настоящая публикация. На этот раз булла была найдена в самом Новгороде при несколько необычных обстоятельствах. Н. П. Пахомов поднял ее на ул. Желябова (б. Прусская), где она, по всей вероятности, была потеряна предыдущим находчиком. Ее фактурные особенности как будто говорят о городищенском происхождении: она покрыта желтоватой ватной с включением песчинок, что свойственно именно городищенским находкам, тогда как буллы в культурном слое собственно Новгорода приобретают черный цвет и не имеют на поверхности чужеродных включений.

Печать епископа Ивана Попьяна (а — фотография; б — прорисовка) (ультр. вел.).

Свинцовая печать диаметром 24—26 мм и толщиной до 3.5 мм имеет следующий вид:

Л. с. Надпись в пять строк:

✦
ΑΓΝΕΣΚΗ
ΠΟΙΕΜΕΤΟΝ
ΣΥΤΗΜΝΩ
ΥΟΓΡ ΑΔ
Ϸ

Вокруг линейный ободок.

О. с. Поясное изображение святого. По сторонам:

⊙ ⊙
⊙ ⊙
⊙ ⊙

Вокруг линейный ободок.

Новгородские епископские буллы с греческой строчной надписью обнаруживаются не впервые. К настоящему времени известны четыре их разновидности. Первые две принадлежат Нифонту (1131—1153 гг.). Они содержат на одной стороне поясное изображение Богоматери, а на другой — надпись: 'Αγνή σκέποις με Νήθοντα Νωβογράδου (Пресвятая, воззри на меня, Нифонта Новгородского). Варианты различаются только деталями изображения и тем, что на первом надпись усечена (Νωβογραί),¹ а на втором имеет законченный вид (Νωβογράδου).²

Третья разновидность анонимна. Изображение Богоматери, выполненное той же матрицей, что и обратная сторона печати Нифонта второго варианта, сопровождается надписью на лицевой стороне: 'Αγνή σκέποις με τον θύτην Νωβογράδων (Пресвятая, воззри на меня, пастыря Новгорода).³ Ее техническая взаимосвязь с печатями Нифонта и анонимность позволили высказать предположение, что эта булла принадлежит епископу Аркадию, первому избранному в Новгороде, а не присланному из Киева владыке, и относится к начальному периоду его деятельности в 1156—1158 гг., когда он еще не получил утверждения от митрополита, и, следовательно, не имел права носить титул епископа и помещать на печатях свое имя. Отметим, что в 1968 г. была обнаружена булла Аркадия с епископским титулом, надписи которой выполнены уже на русском языке, характерном для всех последующих владычных печатей Новгорода.⁴

¹ Первый вариант представлен четырьмя экземплярами, три из них опубликованы (Я и и и В. Л. Актонье печати Древней Руси, т. I. М., 1970, с. 176—177, № 54). Еще один экземпляр не издан: он был найден Н. П. Махомуным летом 1970 г. в Городище.

² Второй вариант известен в единственном экземпляре (Я и и и В. Л. Актонье печати. . ., с. 177, № 55).

³ Печать известна в одном экземпляре (Я и и и В. Л. Актонье печати. . ., с. 177, № 56).

⁴ Я и и и В. Л. Актонье печати. . ., с. 234, № 56а.

Наконец, четвертая разновидность песет на одной стороне погрудное изображение святого, а на другой — строчную надпись: 'Αγγε σχατοϋ ρε τῆν ὀύτην Νωβστράδων. Последняя разновидность была задана В. Лораном в его корпусе византийских церковных булл только в графическом воспроизведении. В тексте описания под тем же номером фигурирует совершенно пняя булла,⁵ поэтому остается неизвестным не только происхождение, но и нынешнее местонахождение этого новгородского памятника. Колончатые надписи по сторонам погрудного изображения в публикации В. Лорана практически неразличимы, что побудило меня высказать предположение о возможном изображении на печати св. Григория и отнести саму печать ко времени архиепископа Гавриила-Григория (1186—1193 гг.). Такая атрибуция, однако, с самого начала внушала известные сомнения, поскольку она ставила печать архангелского греческого типа в хронологический ряд новгородских епископских булл с русскими надписями, ставшими вполне традиционными уже со времен Аркадия. Именно поэтому атрибуция сопровождалась оговоркой: «Лишь знакомство с оригиналом буллы или обнаружение нового, более сохранимого экземпляра способно дать окончательную уверенность в правильности такого решения».⁶

Находка новой печати с подобной легендой и изображением Иоанна Богослова позволяет вернуться к решению поставленного тогда вопроса и разглядеть на оборотной стороне опубликованной В. Лораном буллы титло ω, т. е. «Иоанн», слева от изображения святого. И хотя вновь найденная печать и экземпляр В. Лорана отпечатуны разными буллотпечными, нет сомнений в том, что обе печати принадлежат одному лицу — новгородскому епископу Ивану.

Кто же был этот епископ Иван? Такой вопрос вызван тем, что в Новгороде домонгольского времени два епископа носили указанное имя — Иван Попьян (1110—1130 гг.) и знаменитый Иван-Илия (1165—1186 гг.), бывший героем повестей XV в. Рассмотрим сначала возможности атрибуции этих печатей Ивану-Илие.

Новгородская I летопись обоим изводов знает его под именем Илия, ни разу не называя его в тексте погодного рассказа Иваном: «Поставлен бысть Илия архиепископ новгородский от митрополита Иоанна» (1165 г.), «молитвами благоверного владыки Илии» (1169 г.), «архиепископ боголюбивый Илия с братом Гаврилом създаста манастирь» (1170 г.), «ходи архиепископ новгородский Илия к Одревви» (1172 г.), «свати церковь Новгороде Илия архиепископ новгородский» (1173 г.), «заложил архиепископ Илия с братом церковь камяну» (1179, 1180, 1181, 1182 гг.), «преставися

⁵ Там же, с. 177, № 59.

⁶ Там же, с. 56.

Илия архиепископ новгородский» (1186 г.).⁷ Так же он называется и в известном списке новгородских владык, предшествующем летописному своду в Комиссионной рукописи Новгородской I летописи,⁸ однако в другом подобном списке в той же летописи, помещенном под 989 г., он носит имя Иоанн⁹ в согласии с агнографической традицией, всегда называющей этого епископа не Илией, а Иоанном. Младшие новгородские летописи разъясняют эту двуименность следующим образом: «Поставлен бысть Иван архиепископ Новуграду, от митрополита Ивана Киевского всея Русь, при князи Русем Ростиславе Мстиславичи Киевском; а священствовал у святаго священномученика Власья на Волосове улицы, и наречен бысть во иноцех Иванъ.¹⁰ Пришедший текст цитируется по Архивскому списку «Краткого летописца новгородских владык», составленного в конце XVI в. В Толстовском списке того же свода конец сообщения исправлен: «... на Волосове улицы, и ехавшу Илии епископу в Киев в лето 6690 (?), и наречен бысть от митрополита Иоанна Иван, и в архиепископы постав(лен), и имя даде ему во свое имя Иоанъ.¹¹

Логичность такого разъяснения, казалось бы, решает проблему двуименности Илия-Илии, связывая первое имя с монашеским пострижением, без которого вообще невозможно занятие кафедры и которое сопровождалось переименованием, а второе — с предшествующим пребыванием его в миру. Однако это разъяснение оказывается абсолютно недостоверным и целиком умозрительным. До нас дошли списочные буллы Ивана-Илии. На одной из них, относящейся к 1165 г. (т. е. ко времени до получения титула архиепископа), ее владелец называется «Илией епископом»; на другой (более поздней) он именуется «Илией архиепископом». ¹² Таким образом, получается, что в период своего владычества Иван-Илия назывался отнюдь не Иваном, а Илией. Именно Илией его нарекли при пострижении, и это имя не изменилось в момент преобразования его епископского титула в архиепископский. К какому же времени может относиться другое имя — Иван? Ответ на этот вопрос дает агнография. В «Житии Иоанна Новгородского» говорится: «И бысть скимное имя ему Иван, прежде бышеть имя ему Илья». Это указание встречается уже в первоначальной редакции жития, относящейся к началу XVI в. ¹³ В Сказании о гробнице Иоанна Новгородского Иван называется «архиепископ Ила, нареченный во иноческом чину в скиме

⁷ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л. 1950, с. 31—34, 36—38, 219—223, 225—228.

⁸ Там же, с. 473; ПСРЛ, т. IV, выш. 3, Л., 1929, с. 625.

⁹ Новгородская первая летопись, с. 163.

¹⁰ Новгородские летописи. СПб., 1879, с. 131.

¹¹ Там же, в вариантах.

¹² Я н и и В. Л. Актовые печати. . . , с. 177, № 57, 58.

¹³ Д м и т р и е в Л. А. Житийные повести Русского севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Л., 1973, с. 140.

Иоанн.¹⁴ Речь, следовательно, идет о том, что при пострижении в малый инокский образ при запитии кафедры владыка был наречен Илией, а при пострижении в великий инокский образ — Иоанном. Великий инокский образ — схима — принимался перед смертью или же в том случае, когда монах избирал особо строгие правила инокского жития. Препятствие схимы практически всегда сопровождалось сменой имени, а порой возвращением к первоначальному имени, какое схимник носил до своего первого пострижения. Примером может служить сестра Петра I царица Софья Алексеевна, которая постриглась в монахини с именем Сусанна, а, принимая схиму, вернула имя София.

Нам неизвестно, была ли принята Иваном-Илией схима во время его смертельной болезни или же он стал схимонахом Иоанном еще во время активного исправления им епископских обязанностей. В последнем случае совершенно не исключена возможность появления нового типа его печатей с именем Иоанн. Однако к нашим буллам такая возможность отношения не имеет, поскольку на них изображен Иван Богослов, а снятым патроном Ивана-Илии был Иван Предтеча. Илия был погребен в Предтечепском приделе Софийского собора; в 1184 г. вместе с братом Гавриилом он заложил на Торговщине церковь «святого Ивана камяну», т. е. храм Ивана Предтечи на Опоках.¹⁵

Таким образом, не существует возможности атрибуции вновь найденной печати и экземпляра В. Лорана владыке Ивану-Илие. Они связываются с более ранним новгородским епископом — Иваном Попьяном, чему соответствуют и некоторые их художественные и технические признаки. Назовем следующие из них. На обеих печатях помещено не ростовое, а поясное изображение святого, вполне характерное для XI—первой четверти XII в., но в дальнейшем встречающееся лишь в исключительных случаях. Обе буллы различаются значительными размерами, тогда как новгородские печати середины—второй половины XII в., как правило, имеют диаметр, не превышающий 20—21 мм. Архаичной оказывается и значительная толщина кружка. Наконец, палеографические признаки надписи тяготеют к XI—началу XII в., находя ближайшую аналогию в новгородских буллах протопроедра Евстафия конца XI в.¹⁶ Особо нужно отметить написание буквы в виде латинской R, признаваемое весьма архаичным даже для начала XII в.

Новгородский епископ Иван Попьян является одной из наиболее загадочных личностей русской истории не только потому, что источники почти не располагают сведениями о нем. По существу все известные факты его биографии в старших новгородских летописях сведены к двум сообщениям: «В лето 6618. Приде архиепископ Иоанн в Новгород месяца декабря в 20»; «В лето 6638. . . В се же

¹⁴ Там же, с. 161.

¹⁵ Новгородская первая летопись, с. 37, 228.

¹⁶ Я и в в В. Л. Актовые печати. . ., с. 64—67, 182, № 72, 73.

лето отържеся архиепископ Иоанн Новгорода, и оставиши архиепископа Нифонта, мужа свята и зело боящяся бога; и приде Новгороду месяца генъвря в 1 день, на святого Василья, на обедынюю.¹⁷ Новгородская I летопись младшего извода добавляет к последнему известию: «седе лет 20».¹⁸ Перевод цитированных сообщений в календарные даты дает следующую хронологию занятия Иваном Попьяном новгородской кафедры. 6618 мартовский год соответствует 1110—1111 гг.¹⁹ Следовательно, приход Ивана Попьяна в Новгород датируется 20 декабря 1110 г. 6638 мартовский год соответствует 1130—1131 гг.²⁰ Значит, «отверженъ» Иван Попьян относится к 1130 г. Действительно, время занятия им кафедры составляет ровно 20 лет. Других оригинальных сообщений об этом епископе (или архиепископе?) нет, и это тем более странно, что Иван возглавлял новгородскую церковь в исключительно сложное время, когда позиция владыки играла далеко не второстепенную роль в развитии тех событий, которые привели к восстанию 1136 г. и оформлению главных конституционных начал новгородской республиканской государственности. Во времена его владычества в 1117 г. с новгородского стола уходит Мстислав Владимирович, оставив на нем Всеволода Мстиславича, осуществляется расправа над новгородскими боярами Владимира Мономаха и Мстислава в 1118 г., умирает в 1125 г. Владимир Мономах, и новгородцы в том же году сажают у себя на столе Всеволода, хотя он княжил ими уже восемь лет. В годы владычества Ивана в Новгороде закладывается Детинец «болни първаго», возводятся Николо-Дворищенский собор, начинается работа по составлению владычной летописи, строятся Георгиевский собор Юрьева монастыря, закладывается каменная церковь Ивана на Опоках. Каждое из этих событий — важнейший этап в развитии новгородской государственности, политики и культуры, а отношение к ним главы новгородской церкви как бы вообще не интересует летописца. И это тем более странно, что, вопреки очевидному равнодушию летописца к деятельности епископа, его фигура в эти годы оказывается несомненным фокусом противоречивых политических страстей.

Важный намек на это содержится, например, в духовной грамоте Антония Римлянина, составленной в годы епископства Ивана Попьяна: «Се из Антонии, хужши во мисех, издох на место сее, не приях и имения ото князя ни от епискупа, но токмо благословешю от Никиты епискупа».²¹ Епископ Никита умер 30 января 1109 г., а одним из первых действий Нифонта в 1131 г. было то, что

¹⁷ Новгородская первая летопись, с. 19, 22.

¹⁸ Там же, с. 207.

¹⁹ Березилов Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1903, с. 224.

²⁰ Там же, с. 233.

²¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.—Л., 1949, с. 160, № 103.

«тѣгда же Антоша игуменомъ Нифонт архиепископ постави».²¹ Это несколько странное сообщение о начале игуменства Антония спустя 14 лет после закладки им каменного собора Антошева монастыря, 12 лет после свершения этого собора, 6 лет после его росписи и 4 года по сооружении каменной «трапезницы» в Антошевом монастыре может означать только одно: в годы епископства Ивана Попьяна Антоний находился в жесточайшем конфликте с владыкой, исчерпавшим лишь с приходом на кафедру Нифонта. Более поразительно свидетельство списка новгородских владык, содержащегося в Комиссионной рукописи XV в. перед началом погодного изложения Новгородской I летописи младшего извода: «Иван Попьян, седел 20 лет, отвержеся архиепископья; сего не поминают».²² Прямое свидетельство этого текста ставит Ивана Попьяна в совершенно исключительное положение: это единственный новгородский епископ, имя которого запрещено возглашать на ектеньях даже спустя триста лет после его политической кочницы. Нужны были совершенно неповторимые обстоятельства для столь жестокого посмертного пренебрежения к памяти епископа, в течение двух десятилетий занимавшего кафедру. Новгородская история знает имена владык, «по своей воле сошедших» с кафедры. Таким был Моисей, дважды оставивший владычество. Таковыми были Алексей и Юванн, оставившие кафедру соответственно в 1388 и 1414 гг. Все они впоследствии были канонизованы. Можно было бы, доверяясь дословному показанию списка новгородских владык, предполагать что виной Ивана Попьяна был его отказ именно «от архиепископья», т. е. противодействие преобразлению новгородской кафедры на епископской в архиепископскую, однако такое предположение противоречит прямым показаниям Синодальной летописи, титулюющей его архиепископом в обоих случаях его упоминания — и под 1110 г., и под 1130 г. Заметим, что привычное отнесение преобразования новгородской кафедры в архиепископскую к 1165 г. не совсем правомерно. Нифонт титулуется архиепископом уже на антиминсе 1148 г.,²³ его предшественник Иван Попьян безоговорочно называется архиепископом в цитированных летописных сообщениях. Свидетельство списка новгородских владык об «отвержении» Иваном Попьяном «архиепископья» прямо противоречит оригинальному сообщению Синодальной летописи об «отвержении Новгорода».

Полагаем, что определенную ясность в характеристику Ивана Попьяна и в мотивы оставления им новгородской кафедры вносит найденная теперь печать. Ее типические особенности наглядно видны в ходе сравнения этой печати с другими церковными буллами XI—XII вв. Оставаясь в рамках только достоверного мате-

²¹ Новгородская первая летопись, с. 19, 22.

²² Там же, с. 473.

²³ Морозов Ф. Антиминсе 1149 (8657) года. — Зап. Отд. русской и славянской археологии Русск. археол. об-ва. Пгр., 1915, т. XI, с. 197—200.

риала этого времени, отметим главные тенденции оформления русских митрополичьих и епископских печатей. В первой половине и середине XI в. киевские митрополичьи печати Феодемита и Ефрема оформляются таким образом, что имени и титулу митрополита сопутствует на них патрональное изображение не владельца буллы, а вселенского патриарха, чем утверждается идея непосредственного подчинения киевской кафедры Константинополю. При Георгии (ок. 1068—1073 гг.) и Иоанне III (ок. 1090—1091 гг.) на смену патриаршей патрональной эмблемы приходит персональная патрональная эмблема самого киевского митрополита. Соответственно на буллах Георгия изображен св. Георгий, а на печати Иоанна III — св. Иван. Вряд ли нужно сомневаться в том, что такое изменение типа свидетельствует о позростей самостоятельности киевской митрополии. В 90-х годах XI в. эта тенденция находит еще более высокое утверждение оформлением типа митрополичьих печатей, на которых место персональной эмблемы занимает изображение шестикрылого ангела — серафима или херувима, т. е. первого ангельского чина и иерархии ангельских чинов. Это самоутверждение Киева происходит на фоне усиления печатями константинопольских патриархов единой общецерковной эмблемы — изображения богородицы, которое безраздельно господствует на буллах вселенских патриархов со времени Фотия (877—886 гг.) до Евфимия II (1410—1416 гг.), исключая время Алексея Студита (1025—1043 гг.) и Михаила Кирулария (1043—1058 гг.), пользовавшихся личными патрональными эмблемами.

В те же 90-е годы XI в. и в Киеве на смену шестикрылому ангелу приходит изображение богородицы, которое помещается в дальнейшем на буллах всех митрополитов начиная с Николая (ок. 1096—1104 гг.). Богородица изображена и на всех русских именных епископских буллах: в Смоленске на печатях Мануила (1137—ок. 1167 гг.), в Полоцке на печатях Дюнисия (ум. в 1183 г.), в Галиче на печатях Козмы (1157—не ранее 1165 г.), а также в Новгороде начиная со времени Нифонта.²⁵ Исключением составляют лишь определенные теперь новгородские буллы Ивана Попьяна. Помещая на них личную патрональную эмблему, он идею непосредственного подчинения киевской митрополии и константинопольской патриархии выражает лишь в самом завуалированном виде, упоминая богородицу только в формуле молитвы-легенды лицевой стороны: «Пресвятая, воззри на меня, пастыря новгородского». Внешние признаки типа его печати на фоне общецерковного сфрагистического типа подчеркнуты независимы, свидетельствуя о стремлении владельца буллы к автокефалии. Таким образом, падение Ивана Попьяна оказывается стоящим в прямой связи с развитием конфликта между Новгородом и Киевом, в котором Иван занимал очевидную антикиевскую позицию.

²⁵ Я и п и В. Л. Актовые печати. . . , с. 44—59, 75—88.

Однако существо этого конфликта затрагивает и отношения с патриархией.

В самом деле, «отвержением» Ивана предшествует явное обострение новгородского конфликта с Киевом. В 1129 г. «взвиде по Киеву Данил посадник Новугороду».²⁶ Это была новая после 1120 г. попытка Киева ликвидировать боярское посадничество Новгорода подменой избранного боярами представителя ставленником киевского князя. В 1130 г. Всеволод Мстиславич «ходя Киеву к отцю», после чего состоялись «отвержение» Ивана и присылка на его место Нифонта. Однако вместе с передачей кафедры Нифонту «Петрилу дала посадничать Новугороду».²⁷ Оба взаимосвязанных события, на наш взгляд, выражают компромисс, достигнутый между княжескими и боярскими государственными институтами. Боярство восстанавливает свои права в управлении Новгородом в обмен на отказ от стремления к полной независимости новгородской церковной организации.

Заметим, что укрепление константинопольского церковного влияния связано с общим укреплением авторитета киевской митрополии. После смерти в 1121 г. митрополита Никифора и в 1126 г. митрополита Никиты киевскую кафедру занимает длительный Михаил Грек. Ипатьевская летопись относит его приход в Киев к 6639 г., но это соответствует не 1131, а 1130 г., поскольку под тем же годом говорится о походе Мстиславичей на чудь, состоявшемся в действительности в 1130 г.²⁸ Никоновская летопись прямо говорит под 1130 г.: «того же лета пресвященныи Михаил митрополит Киевски и всея Руси постави Нифонта епископом Новугороду, мужа свята и зело боящася бога»,²⁹ а приход Нифонта в Новгород датируется 1 января 1131 г. Дело Ивана Попьяна было, следовательно, первой акцией Михаила Грека по занятии им киевской кафедры. Вторая его акция, отмеченная летописью, снова связана с Новгородом: в 1134 г. он приехал в Новгород во время Суздальской войны и оставался там с 9 декабря 1134 г. до 10 февраля 1135 г., призывая новгородцев к миру.³⁰

Подчеркивая «константинопольский» аспект проблемы, мы приписываем во внимание особенности политики Нифонта, сменившего Ивана Попьяна на новгородской кафедре. В 1147 г. после смерти (?) митрополита Михаила (отмеченной под 1147 г. только в Густынской летописи; остальные своды говорят о его уходе в Константинополь в 1145 г.) реакцией на его деятельность, ориентированную прежде всего на укрепление патриаршего влияния на Русь, было избрание Климента Смолятича в киевские митрополиты собором русских епископов «не по благословению святого

²⁶ Новгородская первая летопись, с. 22.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же; ПСРЛ, т. 2. 2-е изд. СПб., 1908, столб. 294.

²⁹ ПСРЛ, т. IX. СПб., 1862, с. 157.

³⁰ Новгородская первая летопись, с. 23.

патриарха». Инициатором этого избрания был киевский князь Изяслав Мстиславич, целью его — укрепление киевского авторитета, а в числе непогих противников разрыва с Константинополем оказался Нифонт, занявший тем самым пропатриаршую, но антикиевскую позицию. Ничего неожиданного в такой ситуации, поскольку именно при нем, сопровождаясь все возрастающим авторитетом владыки, происходят важнейшие антикняжеские преобразования в Новгороде, логически завершившиеся уже после его смерти вочевым избранием на новгородскую кафедру Аркадия, т. е. фактическим провозглашением независимости Новгорода от Киева в организации столь сложного дела, каким было замещение епископской кафедры.

Иными словами, Ивана Поляна погубило то, что его антикиевская позиция была дополнена и стремлением к независимости от патриархии, что делало его фигуру слишком опасной для Новгорода в переломный период княжения Всеволода Мстиславича. В истории церкви он по существу стал в один ряд с Климом Смолятичем. Имя последнего отсутствует в списках митрополитов. Имя Ивана Поляна в списках новгородских владык имеется, но с пометкой «сега не поминают». Это «непоминание», несомненно, и вызвало редакторскую цензуру летописи, в которой именем Ивана Поляна обозначены лишь хронологические рамки его деятельности, но не сама деятельность.

Остается сказать несколько слов о позиции Антония Римлянина. Формула его завещания «не приях и мения от князя ни от епискупа, но токмо благословение от Никиты епискупа», отмененная в 1131 г. посвящением его в игумены от епископа Нифонта, свидетельствует о его подчеркнутом нейтралитете в антикиевской борьбе эпохи Всеволода Мстиславича. Антоний противоположен и епископу Ивану, и князю Всеволоду, но он переходит на сторону епископа, когда вопрос об отношении к патриархии был снят с повестки дня.

В. А. БУРОВ

О ПЕЧАТЯХ НОВГОРОДСКОГО КНЯЗЯ АНДРЕЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА

Среди древнерусских печатей рубежа XIII—XIV вв. выделяется группа булл князя Андрея Александровича, сына Александра Невского, который находился на новгородском княжении дважды: в 1281—1284 и в 1294—1304 гг.¹

¹ Новгородская первая летопись. М.—Л., 1950 (далее — НПЛ), с. 324—325, 327—332.